

Солнца»¹, хотя и написана почти двадцать лет спустя... Иман Бассалах (р. 1975) в этом искусном этюде, психологически тонко запечатлевая нюансы как арабского, так и французского менталитета, и как бы перекликаясь с соотечественником М.Тлили, воссоздавшим в своем гениальном романе «Послеполуденный зной в пустыне»² конец колониального сосуществования на тунисской земле двух разных миров и воцарение «безжизненного зноя» и «пыльной тьмы» вражды народов, вызывает совсем к другому. Он пишет не только о любви француженки к его стране (ее, эту землю, любили и раньше!), но о желании жить и умереть на ней во имя любви к другому, во имя любви разных людей, ищущих каждый в своей жизни самое главное: путь от сердца к сердцу. Без войны. Без угрозы изгнания. Ведь человек знает, где он может *укорениться*.

А эту трагедию - *откоренения* - кто только не описывал из французов, живших в Магрибе, и из магрибинских писателей. И последний из них - лауреат Гонкуровской премии марокканец Т.Бенджелун словно бы предварил рассказ своего молодого

тунисского коллеги И.Бассалаха романом «Домой» (2009), где запечатлел трагический исход из Франции марокканского иммигранта, так и не сумевшего обрести покой на родной земле, детей, почти забывших ее, и умереть в напрасно построенном для них доме. Возвращение не состоялось³.

Другая новеллистка - Лина бен Мхенни (р. 1983), соотечественница Бассалаха, рассказ которой публикуется ниже, по своему опыту знает, что проще всего погрузиться во мрак несчастья, в бездну отчаяния, бед, свалившихся на человека в этом неблагополучном мире, но пытается спасти человека, вырвать его из оков несчастья, вывести на дорогу, ведущую к Свету, а потому зажигает свой факел в сердце, разбуженном революцией... Пожелаем и ей солнцем залитой дороги...

¹ О поэте см.: ст. *Прожогиной С.В.* в журн. Азия и Африка сегодня, 2013, № 10.

² О нем см.: ст. *Прожогиной С.В.* «В поисках настоящего времени». М., 2011.

³ О романе подр. см. в кн.: *Крылова Н.Л., Прожогина С.В.* Путь к себе. М., 2013.

ЛИНА БЕН МХЕННИ

(Тунис)

СОЛНЦЕМ СЕРДЦЕ ПОЛНО...

РАССКАЗ

«**Л**ина» - буквально означает «Наша». То есть та, которая принадлежит нам. Та, которая с нами. В имени, данном мне при рождении, было какое-то предзнаменование. Могло ли оно повлиять на мою судьбу? Ведь я была первым ребенком в семье, жившей в стране, где желательно, чтобы первенцем был сын. И где дочь, занявшая его место, была почти позором для матери, а на отца, не способного сразу продолжить свой род, навсегда ложилась тень недовольства его родни.

Но были и те, кто пытался утешить моих родителей.

«Она такая симпатичная девочка! Да и вы еще так молоды оба, что будет время и для мальчика! Сын обязательно родится!» - успокаивал их друг, издатель по профессии.

Но парадокс в том, что в моей семье родители страстно желали первенцем иметь именно девочку. Да и бабушка по материнской линии была за девочку: ведь в молодости она была поклонницей первого тунисского президента - Хабиба Бургибы, которому принадлежит честь эмансипации женщин в нашей стране...

- Лина! Назовем ее Линой! - воскликнули, увидев меня, мои родители.

- Но, господин, - возразил отцу регистрировавший акт о моем рождении чиновник, - такого имени - Лина - нет у мусульман! И я не могу записать ее туниской!

Этот торжественный отказ муниципального служащего, решительно не пожелавшего моей регистрации под таким именем, поразил отца в самое сердце. Ведь имя мое не с неба к ним свалилось.

Они выбрали его среди тысяч других имен только потому, что оно красиво звучало на всех языках. И это его интернациональное звучание было особенно важно для моих отца и матери: тогда они были активистами в рядах марксистов-ленинцев, и их дом всегда был полон гостей со всех континентов...

И вот теперь отцу объявляют, что такого имени нет у мусульман. Что имя это - не арабское... Для отца это было первым серьезным столкновением с жизнью, с «людской глупостью» - как сказал он. Но одновременно и первой серьезной удачей: случайно оказавшийся рядом друг отца - историк и социолог по профессии - обратился к чиновнику с речью, уверив его в том, что выбранное имя имеет не только арабские, но и ис-

ламские коннотации, и упомянуто в самом Коране: таково было, как сказал он, название молодой пальмы в одном из оазисов на пути Пророка... «Прекрасно!» - ответил ему растерявшийся чиновник, сраженный упоминанием Корана. Однако не думавший сдаваться.

- Но тогда надо записать девочку либо как Линах, либо как Линат. Так будет правильнее по-арабски. Но в любом случае не «Лина», как этого хочет отец ребенка!

Но отец тоже не сдавался, он боролся за свободу выбора имени для собственного дитя. Начался скандал. Его как-то удалось урегулировать. Не обошлось, видимо, без уплаты чиновнику за упрямство обоих... Но это было только началом. Только предвкушением моей дальнейшей судьбы.

...Небольшой старый домик родителей - деревянный барак, 60 квадратных метров, никогда не пустовал. Был настоящим перекрестком идей, проектов, мечтаний...

Можно даже сказать, что здесь пересекались разные цивилизации: кто только тут ни побывал - шведы и французы, голландцы, латиноамериканцы и азиаты, египтяне, сенегальцы, угандийцы... Студенты, искавшие совета и поддержки; оппозиционеры разного толка; смутьяны и во-

Перевод по: *Linah ben Mhenni. Le Soleil au Coeur // Nouvelles de Tunisie. P. 2002.*

инствующие революционеры, осмелившиеся заявлять, что «единственным борцом за высшую Справедливость является только сам народ»... Бывали здесь и художники, и поэты, и киношники, и другие представители богемы.

Словом, здесь обитало множество людей, включая и нашу семью, похожую на любое большое семейство, которое по тунисской традиции состояло из молодых и стариков, ретроградов и прогрессистов, болтливых и молчунов, из тех, кто слушает, и тех, кто без конца произносит какие-то речи...

В этом семействе был и свой ангел-хранитель: друг родителей Лины, Хеди, которого она в детстве своим воспринимала как второго отца. Однако этот ангел был, видимо, создан небом наспех, потому что не сумел уберечь от несчастья, постигшего девочку в тот злопамятный вечер рамадана - мусульманского поста, который родители, конечно, не соблюдали, но в ритме которого жили, как и все, собираясь со всеми к столу только под вечер.

Вот тогда и обнаружили, что у дочери пропал голос. Что она не способна произнести ни единого слова, хотя начала говорить очень рано, еще и двух лет ей не было... И так длилось целых четыре дня. Это было первым сигналом начинавшейся болезни. Первым сигналом бедствия со всеми его утратами и потерями, болями, отчаянием...

Но, несмотря на приближавшееся несчастье, девочка продолжала существовать в мире звуков и красок, в мире волшебных сказок и чудесной музыки. Девочка жила в мире грез и фантазий, разбуженных в ней нежными родителями и их удивительными друзьями, которые без устали рассказывали ей о мире с жадной его усовершенствования...

Расцвет ее жизни происходил как бы в пышном саду. Каждый приходил туда со своими собственными саженцами. Ее мать умудрялась выращивать в нем, несмотря на злые ветры и загрязненные воздух и почву, роскошные цветы и кустарники, и даже разные овощи и клубнику. А ее отец использовал любые предлоги, чтобы пойти с ней погулять, делал безумные траты, чтобы путешествовать с дочкой и показать ей ее родную страну...

В том возрасте, когда переходят из начальной школы в среднюю, девочка была уже сформировавшейся личностью. С жадной жизни, открытой разным знаниям, думающей о своем будущем, много читающей и много уже знавшей не только по книгам, но и по рассказам друзей отца и матери, бывавших в их доме, благодаря путешествиям, которые она со-

вершила и в своей стране, и за границей... Она знала, что мир обширен и удивителен и что люди в нем одновременно и похожие, и разные.

Ее переходный возраст, когда подросток становится девушкой, и тело - зрелым, способным к деторождению, закончился рано. Даже слишком рано. Этот переход застал ее врасплох и не был никак подготовлен.

Но она не паниковала. А родители быстро ей все объяснили. Хотя в тот день и случилось нечто странное. Она играла в глубине сада со своими друзьями. Они все вместе забавлялись с котенком, подобранным на пляже. Хотели приучить к нему собачку, жившую в доме и ревниво охранявшую своих хозяев... И вот, один мальчонка, сын друзей ее родителей - палестинцев, которые скитались по земле, гонимые бедой, царившей на их родине, по-дружески наклонился к ней и шепнул на ухо:

- Прости меня, Лю! Я видел, как бабочка порхала над тобой, не хотела улетать.

А я не хотел тебя беспокоить и пугать. Ведь я знаю, что ты любишь всех животных и насекомых, птиц и бабочек... Но, Лю, хотя я и зажмурился от луча солнца, осветившего твое лицо и попавшего мне прямо в глаза, я успел заметить, что бабочка села тебе на щеку и застыла на ней. Слово отпечаталась на твоей коже...

Лина рассмеялась. Ее друзья тоже громко смеялись вместе с ней. Но потом все обратили внимание на то, что бабочка действительно прилепилась намертво к щеке девочки. Лина не особенно взволновалась этим обстоятельством, хотя бабочка эта ее заинтриговала.

В тот вечер Лина так и заснула с бабочкой на своей щеке. Родители, возбужденные какой-то дискуссией с друзьями, ничего не заметили поначалу. Но на следующее утро дочка проснулась с болью в суставах с отеками глазами и с ознобом.

Началась ее новая жизнь. Она, обожавшая солнце, больше не могла купаться в его лучах. Она, любившая открытые просторы синего моря и зеленых полей, должна была теперь держаться только тени деревьев. Она была повержена болезнью. Жизнь обернулась так, что смыслом ее стали рецепты врачей, лекарства, анализы, рентген, консилиумы и больницы...

Она, конечно же, решила не смиряться с судьбой.

Взбунтовалась, стала ко всем придиричивой, раздраженной, упрямой. Потом как-то поуспокоилась. Часто лежала в больницах и видела страдания других людей. В отличие от многих, она была окружена вниманием, любовью и заботой родных и близких...

Отец даже пробовал шутить иногда, даже прибегал к «черному юмору», и семья не возражала, и даже врачи не запрещали ему общаться с дочерью в такой манере. А некоторые пациенты, лежавшие в соседних палатах или рядом с его девочкой, просто завидовали ей, хотя юмор ее отца был в общем-то банален, почти естественен в таких обстоятельствах, почти нормален, когда речь идет о возможной и даже, как казалось, почти неизбежной встрече со смертью... Ведь болезнь Лины считалась практически неизлечимой. Но, так или иначе, покой постепенно воцарился в ее душе.

Она даже почувствовала прилив сил, поверила в свою способность сопротивляться, преодолеть болезнь, победить, восстать из почти мертвых...

«Жить!» - так решила она.

Как-то вечером, когда она с трудом выходила из забытья после приема лекарств, провоцирующих сонливость, ей показалось, что она увидела в коридоре, за матовым стеклом двери, какое-то лицо, нежно улыбавшееся ей, но чье это было лицо, она не могла различить - контуры были смутными. Но лицо это, несомненно, излучало самую любовь, много любви, внушало доверие, наполняло душу чувством уверенности в себе, вселяло даже ощущение какой-то безопасности...

Но это лицо исчезло - снова одолевал сон. На этот раз не тяжелый. Спокойный, безмятежный.

Утром она увидела, что ее отец сидит около ее кровати и гладит ее руку. «Папа, мне приснился чудный сон. Странный, но прекрасный. Мне казалось, что я бегу по поверхности какого-то огромного озера, невероятно красивого, и купаюсь в его светлом сиянии; бегу навстречу солнцу, которое встает где-то там, на горизонте, где сливаются лазурь воды озера с лазурью неба. Бегу и улыбаюсь, словно зову саму себя не прекращать свой бег...

И вдруг я останавливаюсь, но не падаю в воду, не чувствую ее холод, а наоборот, словно согреваюсь в лучах солнца, которое улыбается мне, и к которому я бегу... Солнце словно обволокло меня, сжало в своих объятьях, наполнило всю меня целиком, проникло внутрь, и я будто сама стала этим солнцем!»

...Отец слушал меня, как классическую музыку. Он даже сделал незаметный жест, чтобы сиделка нам не мешала. И все продолжал гладить мою руку. Мы помолчали немного, потом он мне тихо сказал: «Да, моя красавица! Ты и есть само солнышко! Наше солнце, солнце твоих родителей, всех нас, кто любит тебя! Свети и для других людей!»

Я снова заснула. И во сне видела улыбающиеся мне лица, ободряющие меня. Слышала песни, которые пели для меня. И постепенно наполнялась необыкновенной энергией, какой-то космической силой, которая шла ко мне отовсюду...

А на следующий день лечившие меня врачи, ранее не устававшие твердить, что мне необходимо продолжать лежать в больнице, что это жизненно необходимо, вдруг решили единодушно, что я могу возвратиться домой. И прогнозы их были более чем оптимистичны. И я совсем успокоилась. Вернулась к прежним своим занятиям. Стала читать залпом все, что было интересно. Смотрела досыта разные фильмы, документальные в том числе, узнала все про свою болезнь, решив покончить с ней раз и навсегда. Вцепилась в жизнь, просто вонзилась в нее зубами. Стала жить, как те люди, которых надолго лишали свободы или необходимых средств для жизни. Я ловила каждое мгновение жизни, хватаясь за него, как за вечность, как за ниспосланную мне благодать, которая может и не повториться...

Я научилась хорошо слушать свое тело, понимать свой организм, предупреждать приступы болезни, заботиться о себе. Научилась даже какому-то смирению с болью, если она повторялась, научилась отступать, чтобы сберечь силы для дальнейшей борьбы...

...Смотря в глаза смерти множество раз, она научилась ускользать от нее в тот самый момент, когда, казалось, что последняя искра надежды на выздоровление уже угасла. И Лина научилась претерпевать боль, предохранять себя от неизбежности несчастия, и охотно учила этому других.

Однажды отец взял ее с собой в поездку, чтобы отвлечь от страданий. Они отправились на остров Джерба. Лина была счастлива тем, что узнает его не только по карте и по книжным гидам для путешественников. Сказала отцу: «Разве дедушка не дожил до 95 лет? Мне кажется, что я в свои пятнадцать уже знаю больше, чем он, и что прожила дольше его! Ведь он никогда никуда не ездил. А я уже много раз. Он, конечно, часто болеет, но не смотрел так часто, как я, смерти в лицо»...

...Как-то прогуливаясь по пляжу в хмурый денек, когда небо было затянуто тучами, Лина повстречалась с пожилой дамой, странно одетой, державшей на поводке забавного и веселого пуделя. Она сказала: «Мадемуазель, мне кажется, что я вас когда-то видела! Во всяком случае, я припоминаю, что та девочка, которая перелезала через забор в сад, где стоял домик, заросший кустами еже-

вики, в котором жили палестинцы, была очень похожа на вас! С тех пор она мне что-то не встречалась больше. Куда это вы подевались, красавица моя?»

И вдруг, не дожидаясь ответа, продолжила: «Волка опасайтесь, моя дорогая! И не доверяйте бабочкам! Смотрите чаще на падающие звезды, след которых озаряет иногда небо над вашим садом. И думайте, думайте, сосредоточиваясь из всех сил, о солнце, которое уже поселилось в вашем теле...»

Но пожилая дама не успела закончить свою речь, как вдруг к ней подошел какой-то старичок, возникший будто ниоткуда, протянул ей руку и потащил за собой!

«Видимо, - подумала Лина, - я все еще сплю, и мне снится какой-то сон... Иначе откуда эта старушка, одетая так странно и говорившая со мной так, будто все знает про меня? Как это все необычно! Да и ее предупреждение...

Откуда ей известно про моих соседей-палестинцев? Она умудрилась даже вспомнить, как я перелезала через забор нашего сада...

И вроде спала-то я недолго, но сон мой был таким здоровым. И проснулась я с таким чудесным чувством, будто все мое тело как бы обновилось! И эта странная бабочка, что принесла когда-то мне жестокие, как укусы волка, страдания, навсегда отлетела от меня! И что только солнце, одно лишь солнце согревает меня и светит радостно мне своими лучами! Я ощущала прилив какой-то неведомой энергии, мощной, решительной...

И действительно, Лина проснулась. «Наша» девочка окончательно обрела свою прежнюю форму. И мать впервые за все время болезни дочери услышала, как та поет. А потом и увидела, как дочь направилась в сторону вокзала. С улыбкой на лице:

«Я приняла решение, - размышляла Лина. - Я не помню уже, как это все произошло, но я уверена в своем решении, в своем выборе.

И знаю, что я ничуть не колебалась, когда отправилась к студентам, устроившим голодную забастовку, чтобы потребовать восстановления в Университете, откуда были изгнаны за свою профсоюзную деятельность».

Толпа полицейских, стоявших у входа в гуманитарный корпус, где проходила забастовка, как ни странно, но расступилась перед девушкой, словно по мановению волшебной палочки. Случилось чудо. Все эти молодцы с дубинками в руках, обычно грубо требующие предъявления документов, спешащие всех затолкать в крытые грузовики и увезти на допрос, пропустили ее, не сказав ни

слова, видя, как она спокойно и уверенно шла к своей цели...

«Выйдя из Университета, - вспоминала она, - я почувствовала себя такой легкой, словно летела на крыльях... Дорога открывалась передо мной, освещенная лучами солнца, без признаков какой-либо тени... Светлым был этот путь. И без всяких на нем препятствий. «Я должна отныне служить своему народу! - решила я. - Встать на защиту людей. Я должна быть в отряде тех, кто стоит в оппозиции власти и говорит «Нет!» всякий раз, когда это необходимо, и даже тогда, когда это опасно для жизни!»...

И вот с тех пор «Наша» - Лина принадлежит нам всем, став настоящим борцом, истинной гражданкой своей страны и всего мира, гордой и негибаемой, несмотря на все удары судьбы и унижения.

Но главное, она не думала о тех страданиях и болях, которые перенесла, о которых знали только она и ее близкие, когда Лина тяжело болела. А ведь ее болезнь была опасна тем, что могла вспыхнуть снова в любую минуту...

Лина это знала. Но не хотела вспоминать об этом.

Ее хрупкий силуэт, ее детское лицо и ее тихий голос теперь знают все. Быстро узнают. Злые люди ее подстерегают, ее преследуют, пытаются «нейтрализовать», ищут возможность ее уничтожить. Но дети народа, «нелюбимцы» властей, все, кто страдает, кто плохо устроен в этой жизни, все бедняки ждут ее появления, надеются на ее помощь. Все, кто знает о ней, о ее деяниях не понаслышке, любят ее, опасаются за ее жизнь, молятся за нее, тревожатся, хотя и одобряют ее в ее борьбе, веря в ее силы. Ведь ее борьба - это и их бой за свою лучшую жизнь, и они чувствуют себя счастливей, видя ее счастливой.

17 декабря 2010 года молодой черноволосый парнишка выплеснул наружу все накопившееся в нем отчаяние, бросив вызов злу, царившему в его стране, возродив надежду своего народа, особенно его молодежи. Он показал всем, что можно открыто сказать «Нет!» и не бояться уготовленной судьбой участи. Он превратил себя в факел, но зажег всеобщее возмущение порядком, обрекавшим людей на долгое молчание.

Вот в тот день, когда вспыхнул этот живой факел, Лина и взяла в руку посох странника и отправилась в свое путешествие по жизни. Туда, где зажглось новое солнце.

*Перевод с французского
д.ф.н. С.В. ПРОЖОГИНОЙ*